

Чжао Цзэ глядя на испуганное выражение лица и слезы маленького императора испытал неприязнь, подумав, что парень слишком уж размазня.

Сян Хань, увидев его состояние, снова со страхом подчеркнул:

— Ты, тебе не нужно ходить к старшему императорскому брату. Есть доказательства, и мы послали людей найти их. Это наша воля, мы сами издали указ. Вы, мятежные чиновники и воры, если у вас есть что, просто приходите к нам...

Взгляд Чжао Цзэ потемнел, он снова задумался, неужели и к этим доказательствам имеет отношение принц Лян?

С одной стороны принц, которого шесть лет держат под стражей из-за его отца, с другой стороны наивный маленький император, только что принявший бразды правления. Выбирая, кому верить, Чжао Цзэ в мыслях уже знал к кому склоняется.

Хотя принц Лян спас его, он не поверил словам о том, что ему невыносимо видеть, как безвинно гибнут преданные и честные. Напротив, он чувствовал, что у него есть какой-то план.

В оригинальном сюжете Чжао Цзэ не удалось встретиться с маленьким императором, и девять поколений его семьи казнили. Поэтому, хоть он и знал, что принц Лян преследует свои цели, он все же выбрал этот путь. Но сейчас, у семьи Чжао все еще был шанс на спасение, и у него был альтернативный вариант выбора.

Нерешительный, не способный справляться с большими обязанностями. Вспомнив, как оценивал маленького императора его отец, Чжао Цзэ наконец решил сделать ставку на другую сторону. По крайней мере... маленький император не осмелится обмануть его, в сравнении с принцем Лян он заслуживал больше доверия.

Увидев, что маленький император с ужасом смотрит на него большими круглыми глазами, он, помолчав некоторое время, вдруг сказал:

— Ваше величество, хотите знать, кто спас меня?

— Кто? — тут же настороженно спросил Сян Хань.

— Принц Лян, — Чжао Цзэ уставился в его глаза, отчетливо выговаривая каждое слово.

— Не может быть, — мгновенно замотал головой Сян Хань, и выпалил, не раздумывая. — Старший императорский брат вчера еще уговаривал меня безотлагательно казнить вас. Зачем ему тайно спасать тебя?

— Его величество, вероятно, был обманут им, — Чжао Цзэ опустил глаза. Убедился, что реакция маленького императора не похожа на притворную, и только потом продолжил. — Когда принц Лян спас меня, он сказал, что ему невыносимо видеть, как безвинно гибнут преданные и честные, и даже убеждал меня отправиться на северо-запад...

— Не может быть. Не пытайся посеять вражду между нами и старшим братом правителя. Ваша семья Чжао готовит заговор, и есть неопровержимые доказательства. Неужели мы должны усомниться в старшем императорском брате и вместо этого поверить словам мятежника? — Сян Хань изо всех сил мотнул головой, «решительно» не веря.

Чжао Цзэ подумал, что маленький император и в самом деле глуп. Живя в императорском дворце, он вдруг верил в братские узы. Вот уже действительно, если бы принц Лян продавал его, он бы, ни о чем не подозревая, еще и помог ему пересчитать деньги.

Он мрачно продолжил:

— Ваше величество, принц Лян затаил злобу на моего отца из-за своего заточения. Его слов для веры недостаточно, а упомянутые доказательства не выдерживают проверки. Если его величество прикажет кому-то расследовать, вы обнаружите много несоответствий.

С этими словами он опустился на колени, протянул кинжал, склонил голову и сказал:

— Моему отцу уже больше пятидесяти, и тело его постепенно становится немощным. Недавно он написал письмо с отказом от должности, откуда взяться мыслям о заговоре? Преступный верный слуга готов передать свою жизнь в руки его величества, чтобы доказать свою преданность. С другой стороны, принц Лян осмелился в своих интересах возвести ложные обвинения в императорском суде. Клевета ввела в заблуждение его величество. Когда его притязания раскроются, его величество, боюсь, окажется в опасности.

Сян Хань бросил на него взгляд, притворяясь, что осторожно принимает кинжал. Как только он крепко ухватил рукоять кинжала, выражение его лица немедленно изменилось, он тут же воспрял.

Держа кинжал, он с удовлетворением прижал его к шее противника с одно и с другой стороны. Затем медленно обошел его.

— Но ваша семья Чжао действительно имеет большой вес в армии. Даже командующий охраной внутренних покоев дворца Чанъаня человек наставника двора Чжао, как мы должны поверить?

Чжао Цзэ совсем не воспринял его жесты всерьез, всего лишь подумав, что маленький император в самом деле ребячливый. Обретя власть, он тут же, словно молоденький петушок, начал прохаживаться с гордо поднятой головой.

— Если все так, как говорит его величество, то командующий Сюэ сейчас, как и следует мерзавцу, должен был ворваться во дворец и, захватив его величество, спасти моего отца, тогда это была бы правда.

— Смело! — Сян Хань тут же прижал кинжал к его шее, надавил на него и хмыкнул. — В таком случае на основании только что высказанных твоих слов, мы можем осудить тебя.

Чжао Цзэ честно признал:

— Верный слуга виновен, но отец верного слуги в самом деле обвинен несправедливо. У верного слуги только что было много возможностей совершить преступление, но в конце концов он выбрал передать свою жизнь его величеству. Он надеется, что клевета и злословие не затмят глаза его величества и он не убьет по ошибке преданного и честного.

Сян Хань, закутавшись в халат, присел перед ним на корточки. Он долгое время смотрел на него, прежде чем неохотно сказал:

— Ладно, раз уж ты настаиваешь на том, что наставник двора был несправедливо обвинен, и рисковал своей жизнью, чтобы увидеть нас, мы дадим вашей семье Чжао еще один шанс, завтра министерство наказаний* получит приказ провести повторное расследование.

(*Министерство уголовных дел, дин. Цин, до 1906 г.)

— Может быть... старший брат императора что-то неправильно понял, — опасаясь, что его отношение изменилось слишком быстро, поспешно добавил Сян Хань.

От его слов глаза Чжао Цзэ загорелись, он тут же поклонился, не в силах скрыть волнение в голосе:

— Преступный верный слуга благодарит его величество за его милость.

— Что же касается тебя, хм, — Сян Хань внезапно встал пару раз обошел вокруг него и сердито сказал. — Вторгся в опочивальню императора, угрожал нам на словах и оружием, это действительно оскорбление правителя, за которое полагается отрубить голову и выставить на публичное обозрение в назидание другим.

Чжао Цзэ склонил голову, признавая вину.

— Верный слуга признает свою вину...

Прежде чем он успел закончить, Сян Хань снова прервал его:

— Однако, учитывая твою сыновнюю почтительность и за то, что не побоялся высказать правду в лицо императора, мы пока что не будем преследовать за это. После расследования дела наставника двора, если окажется, что он действительно несправедливо обвинен, ты будешь наказан за неуважение. Если несправедливости нет, ох!

— Преступный верный слуга благодарит его величество за милость, — Чжао Цзэ никак не ожидал, что после подобных угроз маленькому императору его все-таки не приговорят к наказанию, и не мог внутренне не радоваться.

Он полагал, что слова отца были ошибочными. Маленький император вовсе не был нерешительным и неспособным справляться с большими обязанностями, но был наивным и невежественным и, поддавшись влиянию предателей, легко сбился с толку.

Закончив с Чжао Цзэ, Сян Хань наконец нашел повод прогнать министров. Он быстро приказал молодому евнуху объявить о своей воле, неоднократно подчеркнув, что именно Чжао Цзэ, рискуя своей жизнью, вошел в императорский дворец глубокой ночью, чтобы молить о справедливости для своего отца. Они были тронуты сыновней любовью и поэтому приказали министерству наказаний повторно расследовать это дело, а вовсе не под давлением вашей толпы.

Чжао Цзэ ушел вместе с евнухом. Поскольку он был преступником, ему пришлось отправиться в тюрьму.

Министры рыдали от радости, но, увидев Чжао Цзэ, кажется, что-то поняли. Глубокой ночью сановник Чжао, который должен был находиться в тюрьме, внезапно вышел из опочивальни императора, и в то же время его величество приказал министерству наказаний повторно расследовать дело наставника двора Чжао. Это, это, это...

Министр департамента наказаний Хуан Янь с удрученным лицом сжал руку Чжао Цзэ, заверив его.

— Несправедливо обошлись с дорогим сыночком. Не волнуйся, старик обязательно проведет тщательное расследование и добьется справедливости для наставника двора.

Прочие тоже качали головами и вздыхали.

— Ай, безобразие, совсем безобразие, правую руку императора использовать так... ай, бестолковый правитель!

Чжао Цзэ молча недоумевал: «О чем думают все эти люди?»

Честно говоря, нельзя было их винить за вздорные мысли. Оригинальный персонаж, находясь под влиянием своей матери, всегда думал, что как только он у него появится, Чжао Бин Чжан и

остальные из тройки министров, избавятся о него, сделав императором его сына. В конце концов, он приближался к тому возрасту, когда свергли его брата, и его будет трудно контролировать.

Поэтому два года назад, когда министры захотели выбрать ему наложницу, в последний момент оригинальный персонаж категорически воспротивился этому. А позже, загнанный в угол, сказал напрямик, что ему нравятся мужчины и женщины ему не интересны.

У министров не было выбора, только и оставалось, что пригласить придворного лекаря, чтобы попытаться вылечить оригинальный персонаж. Как-никак имперские наложницы выбирались из дочерей придворных семей, а никто не хотел, чтобы их дочери вдовствовали при живом муже.

На следующий день, узнав, что Сян Хань собирается пересмотреть дело об измене наставника двора, тут же прибыла мать правителя Хуэй плакать и убеждать его отказаться от своего намерения.

Все-таки она была матерью оригинального персонажа и была искренна по отношению к нему. Хотя эта искренность сыграла жестокую шутку с оригинальным персонажем, Сян Хань осознавал, что захватил тело ее родного сына. Ему трудно было ей что-либо сказать, поэтому он только и мог напополам с шутками и уговорами убедить ее уйти.

Некоторые доказательства предательства наставника двора Чжао были сфальсифицированы оригинальным персонажем, другие принцем Лян. Оригинальный персонаж жаждал избавиться от наставника двора и просто-напросто нашел какой-то предлог. Принц Лян полагал, что оригинальный персонаж легко обмануть, и не стал прикладывать много усилий, выдумывая доказательства, поэтому они не выдерживали никакой проверки.

Департамент наказаний быстро докопался до основания. Выслушав отчет, Сян Хань невинно заявил:

— Все потому, что старший императорский брат ввел нас в заблуждение.

Он даже специально съездил во дворец принца Лян и огорченно сказал:

— Старший императорский брат, мы знаем, что у тебя есть претензии к наставнику двора, но разве можно, руководствуясь личными мотивами, фабриковать обвинения против придворных и вводить нас в заблуждение, а?

Принц Лян от злости скрежетал зубами, однако выглядел он испуганно. Преклонив колени, он сказал, оправдываясь:

— Ваше величество как такое можно говорить? Старший брат всего лишь праздный принц,

откуда у него возможности фальсифицировать обвинения против придворных министров? Его величество, должно быть, забыл, что изначально это вы заподозрили наставника двора в измене, и неоднократно советовались со старшим братом об ответных мерах. Увидев неподдельное огорчение его величества, старший брат дерзнул поощрить фразой: «Время принимать решение», но не ожидал, что его величество из-за этого осудит старшего брата. Ох, его величество больше не будет спрашивать старшего брата о придворных делах, во избежание... во избежание...

Тут он прервался, впад в скорбь. На лице Сян Ханя отразилось удивление, а затем еще большая скорбь.

— Старший императорский брат, ты, как ты можешь так передергивать факты?

Не дав ему возможности объясниться, качая головой, он удрученно сказал:

— Довольно. Думается, в прошлом мы строили иллюзии. Просто... старший императорский брат наш единственный брат, в конце концов, даже если он так поступил, нам все равно жаль... ну, вот следующие полгода старший брат правителя останется в своем дворце и хорошенько подумает над своими ошибками.

Сопровождавший его министр тут же склонился, соглашаясь.

— Его величество очень великодушен.

Принц Лян, стоявший на коленях на земле, услышав это, едва не начал харкать кровью.

По правде, у Сян Ханя были причины не разбираться с принцем Лян. Во-первых, посторонние не знали, что принц Лян нагулян от соседа, он только что взошел на трон и, если тут же прирежет брата, его репутация пострадает. Во-вторых, принц Лян за последние несколько лет направил немало своих людей на заставу северо-западной армии, а также содержал личную тайную охрану. Если действовать напрямик, это неизбежно вынудит его пойти на отчаянные меры.

Сян Хань вернулся назад совершенно «опечаленный», по этой причине он даже единовременно отменил императорские утренние обязанности, спрятался у себя в покоях, просматривая поваренную книгу, попросив систему все записать.

Министры за пределами зала наперебой уговаривали его всеми силами:

— Его величество сделал все возможное для принца Лян, он не смог вынести горечи от его заточения два года назад, и в конечном счете нарочно помиловал его. Кто бы мог подумать, что принц Лян вдруг окажется неблагодарным и смутит клеветой его величество. Вот уж действительно беспринципно. Зачем же его величество огорчается из-за такого человека?

Благодаря принцу Лян, Сян Хань воспользовался этим случаем, чтобы восстановить большую часть своей репутации.

Какой там нерешительный и неспособный справляться с большими обязанностями? Какой там невежественный правитель, притеснявший преданных и честных подданных?

Разве его величество, разбираясь с делом наставника двора, не действовал смело и решительно? Хотя сначала его смутил принц Лян, однако, осознав ошибку, он тотчас же все исправил. К тому же он великодушен и добросердечен по натуре, поистине милостивый государь.

Исключая его мужеложство... это было не очень хорошо, но тут ничего не поделаешь, придворный лекарь ведь не смог его излечить.

Сян Хань, закончив листать поваренную книгу, самолично отправился в темницу, чтобы встретить Чжао Бин Чжана. Увидев его, он схватил его за руки и со слезами на глазах запричитал.

— Почтенный, почтенный наставник, вы настрадались...

Чжао Бин Чжан всегда был недоволен оригинальным персонажем. Он считал его слабохарактерным и легко поддающимся чужому влиянию человеком. Непригодным для того, чтобы занимать трон. Вот только он единственный состоял в кровном родстве с предыдущим императором. Если не ему, то кому еще помогать?

Но после этого опыта его отношение к маленькому императору изменилось.

Без министров, помогающих в управлении, маленький император, честно говоря, справлялся хорошо и оказался вовсе не таким беспомощным, как он думал. Чжао Бин Чжан невольно подумал, неужели он и два других министра помощника слишком сильно вмешивались, вынуждая его величество быть робким и нерешительным?

Когда оригинальному персонажу было восемь лет, Чжао Бин Чжан начал наставлять его на пути правителя. В конце концов, это монарх, которого он взрастил, и которому отдавал все силы. Чжао Бин Чжан никак не мог быть к нему суров.

Придержав Сян Ханя, он подобрал полы и опустился на колени.

— Я заставил его величество волноваться, воистину проступок старого слуги...

После выражения благодарности и заверения в преданности Чжао Бин Чжан заговорил об отставке, заявив от всего сердца:

— Его величество в последнее время очень хорошо справляется. Ваш слуга уже стар, старик больше не может продолжать служить его величеству и умоляет его величество позволить отдохнуть его старым костям.

Сян Хань на мгновение растерялся, если Чжао Бин Чжан уйдет, кто будет помогать ему разбираться с бумагами? Он попытался немного разобраться с ними в последние дни, у него чуть запястье не переломилось.

Нет, ни в коем случае!

У Сян Ханя тут же в глазах появились слезы.

— Почтенный наставник все еще винит нас?

Сказав это, он долго старался сдержаться, чтобы не пролить ни слезинки. Ничего другого не оставалось, только снова притвориться несчастным.

Чжао Цзэ, стоявший позади и смотревший, как маленький император с трудом сдерживает слезы, не удержался и тоже принялся уговаривать:

— Отец, его величество еще молод и доверчив. Если снова появится такой человек, как принц Лян...

Сян Хань теперь заметил его и невольно поднял на него глаза.

Ну, синяки и отек с лица практически сошли, и наконец проявились некоторые очертания. Его черты были довольно красивыми, но, кроме глаз, он ничем не был похож на Лу Цзэ и остальных.

Сян Хань немного расстроился, однако еще раз подумав, он пришел к мысли, что это тоже неплохо. Он мог развивать между ними взаимоотношения правителя и подчиненного. Вроде: «Мы, рядом с сановником Чжао чувствуем себя комфортно», «С сановником Чжао в качестве примера, становятся очевидны достоинства и недостатки» и тому подобное. Просвещенный государь и мудрый подданный, такие глубокие и чистые чувства.

Чжао Бин Чжан подумал, что после его ухода маленький император может стремительно вырасти. Но слова его сына были разумными. Император был все еще молод, а натура его нестабильной. Будет плохо, если он попадет под дурное влияние льстецов.

Поэтому после многократных просьб Сян Ханя, он наконец передумал уходить в отставку.

Сян Хань тут же вздохнул с облегчением. Отдававший все силы работе трудяга остается, в

будущем он сможет расслабиться.

После того, как Чжао Бин Чжан согласился остаться, он повернулся и гневно обрушился на Чжао Цзэ.

— Непослушный сын, ты все еще не на коленях?

Чжао Цзэ был очень послушным, с глухим хлопком он опустился на колени.

Прежде чем Сян Хань успел среагировать, он услышал, как почтенный наставник двора виновато сказал:

— Ваше величество, старый слуга не умеет воспитывать детей, этот непослушный сын посмел вторгнуться в опочивальню его величества и даже угрожать его величеству...

А, оказывается, Сян Хань чуть не забыл об этом. В его глазах мелькнула злобная ухмылка. Чжао Цзэ, нечаянно увидевший ее краем глаза, невольно вздрогнул всем телом.

Сян Хань потер подбородок и сказал:

— Сановник Чжао проявил сыновнюю почтительность, не пожалев жизни, указал правителю на ошибки, мы можем понять...

Чем больше Чжао Цзэ слушал, тем больше чувствовал неладное. Невольно украдкой взглянув на маленького императора, он в самом деле увидел в его глазах шквал веселья.

— Но если ты преступишь закон, ты не сможешь остаться безнаказанным, иначе в будущем все последуют примеру сановника Чжао, боюсь, что мы не сможем сомкнуть глаз по ночам.

Чжао Бин Чжан закивал в знак согласия, заодно снова лягнул ногой Чжао Цзэ.

— Строптивый сын, почему ты все еще медлишь с признанием своей вины?

Чжао Цзэ скрепя сердце сказал:

— Верный слуга виноват, полагаюсь на волю его величества.

Сян Хань с видом «попавшего в затруднительное положение» человека, беспомощно сказал:

— Мы, собственно говоря, думали помиловать сановника Чжао, но ничего не поделаешь,

законы прежде всего. Ох, лучше уж сразу и по возможности снисходительно наказать. Наказать двадцатью ударами батогами и оштрафовать удержанием жалованья за два года.

Чжао Бин Чжан опешил и тихо сказал:

— Ваше величество, это... не слишком ли мягко?

Сян Хань сощурился в улыбке.

— Не мягко, не мягко. Сановник Чжао правая рука императора, нельзя его ломать, мы в будущем собираемся полагаться на него.

Чжао Цзэ услышал эти слова и его снова невольно окатила холодная дрожь.

Во время наказания батогами Сян Хань командовал лично, созвав группу евнухов для наблюдения.

Опасаясь, что его искалечат, Сян Хань тайком заранее приказал просто сделать вид и не бить слишком сильно.

Чжао Цзэ уложили на скамью для наказаний, а Сян Хань в это время вольготно сидел на возвышении и закидывал виноградинки в рот. Увидев, как императорский телохранитель закатал его одежду и замахивается батогами, Сян Хань тут же сплюнул виноградную кожицу и остановил его.

— Неправильно бьешь.

Телохранитель немного растерялся. Разве они не всегда так били раньше? Чжао Цзэ нахмурился, гадая, что задумал маленький император.

Сян Хань изогнул уголки рта в легкой улыбке и злорадно сказал:

— Сними с него одежду и бей его.

«Кто просил вытаскивать меня из бочки для купания, хе-хе?!»

Чжао Цзэ оторопел.

Движения телохранителя были очень быстрыми, и очень скоро Чжао Цзэ оказался без верхней одежды. Сян Хань не ожидал, что этот парень, казалось бы, изящный будет выглядеть так впечатляюще без одежды. Только взглянув на эти плавные линии спины, на напряженные

мышцы, сразу же понимаешь, что у него отличное телосложение. Неудивительно, что в тот день Чжао Цзэ легко справился с ним.

Однако он помнил, что, наказывая сановников батогами во дворце, с них снимали штаны. Поэтому, оставаясь невозмутимым, снова распорядился:

— Штаны тоже сними.

Лицо Чжао Цзэ мгновенно вспыхнуло, он поднял голову и гневно уставился на него. С него публично снимут штаны и избьют, это было прямо-таки равносильно моральному падению, он полностью лишится достоинства.

Придворные девицы, ожидавшие в стороне, услышав эти слова, разом смущенно покраснели и одна за другой смущенно отвели взгляд.

В конце концов, Чжао Цзэ еще не бывал в военных казармах, не переносил тягот, он все еще был добродетельным и горделивым, стиснув зубы, он сказал:

— Если его величество затаил злость, почему просто не казнить верного слугу, зачем так унижать?

Сян Хань поперхнулся. А? Он ведь вытащил его из бочки для купания с голым задом. Почему он почувствовал себя обиженным, когда дело дошло до него?

Однако Чжао Цзэ похоже действительно был зол не на шутку. В конце концов он махнул рукой, отсылая евнухов и придворных девиц, а после распорядился:

— Тогда оставьте его нижнее белье.

На это Чжао Цзэ ничего не сказал. Не считая приглушенного стога после первого удара, он не издал больше ни звука. По правде говоря, помимо выносливости Чжао Цзэ, телохранитель, услышав его стон, больше не осмелился применять силу.

После наказания Сян Хань подошел к нему, испытывая угрызения совести, попинал его и спросил:

— Эй, ты в порядке?

Все-таки это адмирал. Неизвестно, видел ли это почтенный маршал, но раз старший А и младший Б молчали, должно быть, все в порядке.

Чжао Цзэ скользнул по нему быстрым взглядом и проигнорировал его, просто поднялся и бесстрастно оделся.

Раз он мог самостоятельно встать и одеться, похоже, он в порядке. Сян Хань тут же расслабился и невольно с завистью окинул взглядом фигуру парня. Тонкие руки и ноги оригинального персонажа в самом деле были слишком худыми. А Чжао Цзэ все-таки был в хорошей форме.

Чжао Цзэ напрягся под его горящим взгляд и инстинктивно обернулся. Заметив блеск в глазах маленького императора, он не удержался и поинтересовался:

— Его величество не злится на преступного верного слугу?

— А? Не злюсь, — небрежно ответил Сян Хань.

Чжао Цзэ поджал губы и снова спросил:

— Тогда его величество только что... почему так унижил верного слугу?

— Унижил? — Сян Хань опешил. Неужели он о том, что его выпороли, сняв штаны? Разве не всех так пороли?

Система осторожно заметила: [Без штанов пороли во времена династии Мин. Это вымышленная династия, она не копирует династию Мин].

Сян Ханю нечего было сказать.

Чжао Цзэ с одеждой в руках, глядя на его ошеломленное лицо, не удержавшись, нерешительно спросил:

— Неужели... его величество всего-навсего просто хотел посмотреть, как верный слуга подвергся... кхэ.

— Угу, — Сян Хань не удержался и кивнул. «Кто тебе разрешал смотреть на мой голый зад?»

Чжао Цзэ в очередной раз замолчал и непроизвольно отступил от него. Поговаривали, что маленький император любит мужчин, а только что он смотрел на него с блеском в глазах. Неужели правда...

Ему пришла в голову некая вероятность, Чжао Цзэ вздрогнул и поспешно распрощался.

Их семья Чжао на протяжении многих поколений блюла чистоту и придерживалась строгих семейных традиций. Никак нельзя, чтобы кто-то из их семьи стал фаворитом правителя, прислуживающим ему в постели. Если такое произойдет, его отец, вероятно, первым убьет его.

Раны Чжао Цзэ были не серьезными, но он переживал, что маленький император тоскует по его телу, и упрямо занимался дома больше половины месяца. В конце концов наставник двора Чжао все-таки не выдержал и палками погнал его явиться ко двору.

Полмесяца спустя Чжао Цзэ снова увидел маленького императора на официальном посту в открытом зале и обнаружил, что он, как будто стал более милым.

Что это за описание? Чжао Цзэ резко опустил голову, уголки его губ дернулись.

Сян Хань зевнул, на глаза его навернулись слезы, он волевым усилием заставил себя слушать доклад.

Он полагал, что после возвращения Чжао Бин Чжана он сможет расслабиться. Но реальность оказалась крайне жестокой. Документы все также нужно утверждать, политические вопросы нужно было обсуждать, а во второй половине дня у него были еще занятия. Кто просил вернуться наставника двора?

Но сегодня днем Сян Хань внезапно обнаружил, что учитель сменился.

Увидев, что перед ним стоит серьезный Чжао Цзэ с «Книгой ритуалов» в руках, Сян Хань от удивления открыл рот. Вспомнив, что молодой человек был старшим ученым императорской академии, он снова закрыл рот. Он чуть не забыл, что этот парень время от времени будет приходить и читать маленькому императору лекции.

Учтиво поприветствовав Сян Ханя, Чжао Цзэ на полном серьезе начал говорить об «Обряде совершеннолетия»*, и рассказывать о «Широкой робе»**... Сян Хань слушал, пока не начал испытывать головокружение и чувство тяжести в голове.

(*Обряд совершеннолетия – в древности по достижении мужчинами двадцатилетия проводилась церемония надевания шапки)

(**Широкая роба – парадная одежда)

Закончив рассказывать, Чжао Цзэ серьезно сказал:

— Его величество не придает должного внимания внешнему виду и отсутствию манер. Вернувшись к себе вам следует повторить и закрепить содержание сегодняшнего урока. Завтра верный слуга проведет выборочную проверку.

Сян Хань вдруг почувствовал головную боль.

— Мечь порождает мечь, и этому никогда не будет конца, сановник Чжао.

— Верный слуга просто-напросто тщательно исполняет свой долг, — выглядел Чжао Цзэ серьезно. Уходя, он повернулся и огорченно посмотрел на Сян Ханя, но уголки его губ были слегка приподняты.

На следующий день Чжао Цзэ действительно провел выборочную проверку.

Сян Хань про себя скрежетал зубами. Но в конце концов с помощью системы, спотыкаясь, он пересказал все.

Чжао Цзэ нахмурил брови. Он никак не ожидал, что маленький император окажется умнее, чем он думал. Вот только... кроме радости, почему он чувствовал себя немного разочарованным?

Чжао Цзэ увидел, как юноша поднял голову, с нетерпением глядя на него, словно ожидал похвалы.

Уголки его губ невольно опять приподнялись, он улыбнулся.

— Наизусть все еще неудовлетворительно, необходимо усилить и укрепить. Ваше величество, вернувшись к себе, перепишите все хотя бы разок.

«Переписать, переписать все разок?»

Лицо Сян Ханя вмиг застыло. Когда он вернулся в свои покои, он с досадой сказал: [Девяточка, это личная мечь!]

Автору есть что сказать:

Сян Хань: Порка может даже создать дистанцию. Увы, мы действительно должны это сделать...

<http://bllate.org/book/12631/1120564>